

Ярославль — 2010

ТЕМА НЕДЕЛИ:

МЕДВЕДЕВ: ПОВОРОТ К ПРОГРЕССИЗМУ

Два года новой политики

выпуск № 4-5(46-47)

24 февраля 2010

издание Русского Института

ДІХІ

- Зигмунт Бауман с.6-7
- Борис Стругацкий с.8-9

Суть дела

- Глеб Павловский с.2

Политический форум

- Джордж Робертсон с.4
- Алексей Пушкин с.5
- Петр Дуткевич с.5

Прогресс после стабильности

- Владимир Плигин с.10
- Николай Левичев с.11
- Игорь Бунин с.12-13
- Александр Морозов с.13
- Ольга Крыштановская . . . с.14
- Борис Минаев с.15
- Сергей Шаргунов с.15

Прогрессизм. Левая версия

- Тони Джадт с.16-17
- Роберт Скидельски с.17
- Тарик Али с.18
- Даниэль Берто с.19

Прогрессизм. Правая версия

- Игорь Юргенс с.20-21
- Андрей Колесников с.21
- Пол Готфрид с.22
- Марат Гельман с.23
- Сергей Переслегин с.23

Наследники просвещения

- Карен Свасьян с.24-25
- Виктор Ерофеев с.26-27
- Кирилл Бенедиктов . . . с.28-29

Стороны света

- Соли Озел с.30
- Жулиана Бертазу с.31
- Даян Джаятилака с.31

Академия

- Ален Турен с.32

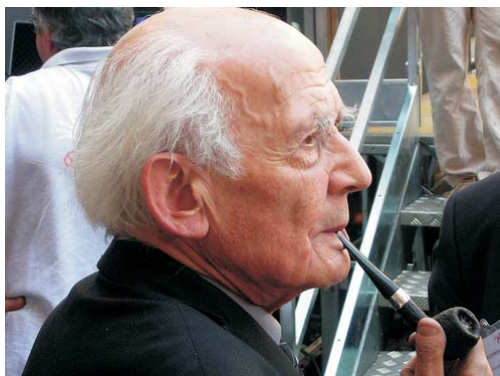
Главный редактор
Глеб Павловский

Шеф-редактор
Борис Межуев

Адрес редакции
119180 Москва
ул. Большая Якиманка, д. 1.
Тел.: (495) 745-52-25
Факс: (495) 725-78-67
e-mail: info@russ.ru

Зигмунт Бауман: ДЕЙСТВОВАТЬ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Сегодня модное словечко, схватывающее людей за живое и подвигающее их на действие, — это не «прогресс», а «модернизация», но на действие скорее из-за страха от-

стать, чем от желания быть впереди. Если бы был жив Сталин, наверное, он бы перефразировал свою всем известную фразу и сказал: «Кто не модернизируется, того бьют». Непрерывающаяся модернизация — вот способ существования нашего современного общества.

Спрашивать о том, какой была бы современность, если бы она прекратила сама себя модернизировать, — это все равно что спрашивать, каким будет ветер, если он перестанет дуть.

Продолжение на стр. 6

Борис Стругацкий: МЕДВЕДЕВ — ПРОГРЕССИСТ ПОНЕВОЛЕ

В незапамятные времена я вычитал где-то слово «прогрессист», и оно там имело явно неуважительный и даже уничижительный оттенок. По законам импринтинга именно с этим оттенком я его и по сей день воспринимаю. «Прогрессист» — это некая персона, которая шумно разглагольствует о прогрессе, но никакого более отношения к прогрессу не имеет.

Не знаю, как этот термин используется сейчас. Видимо, иначе. Видимо, сегодня прогрессист — это человек, исповедующий идеи полезности, необходимости и даже неизбежности прогресса. А под прогрессом при этом понимается нечто сугубо позитивное, некая благая цель, которую должно преследовать, переживая историю.

Продолжение на стр. 8

ДЕЙСТВОВАТЬ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Зигмунт Бауман

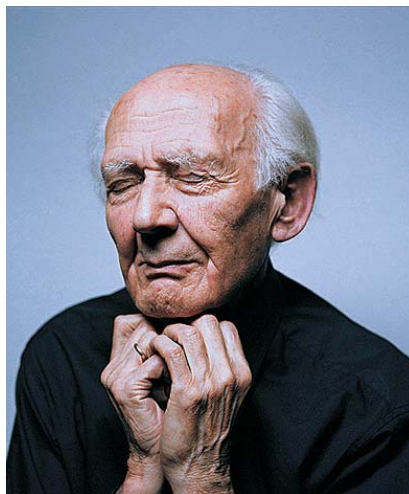
Продолжение. Начало на стр. 1

Принудительная модернизация всего (включая самих модернизаторов) — это определяющая особенность современного (то есть нашего) образа жизни. Тони Блэр ограничил свою политическую программу одним девизом: «Модернизируй, модернизируй, модернизируй — или...».

Я бы сказал, что одним из важнейших различий между идеей прогресса и идеей модернизации, которая в общем и целом заменила его, является то, что «прогресс» предполагал прямолинейность: движение в заданном, известном и отмеченном на карте направлении. **«Модернизация» имеет тенденцию создавать (необязательно преднамеренно) маятниковое движение.** За последние шестьдесят с чем-то лет, например, стремление к большей свободе личности перемежалось со стремлением к большей безопасности, каждое из этих двух явлений рано или поздно приводило к крайностям, а также к желанию остановиться и изменить направление...

РЖ *Как вы думаете, кого сейчас в западном обществе и на основании чего можно называть «прогрессистами»? Не кажется ли вам, что в постмодернистской Европе этот термин был скомпрометирован и теперь подлежит реабилитации?*

В его нынешнем виде понятие прогресса утратило былой блеск и привлекательность, а также былую однозначно позитивную оценку. Из выражения, означающего оптимизм, надежду на улучшение, на то, что жизнь станет легче, комфортнее и приятнее, а люди станут человечнее, это понятие превратилось, скорее, в нечто напоминающее да-

моклов меч. Он угрожающе нависает над всеми нашими головами. Он грозит упасть на головы тех, кто по причине невежества, безволия, отсутствия гибкости и ужасающей инертности или огромной лени не может бегать так же быстро, как окружающие его люди, которые делают это то ли по собственной воле, затравленные или прельщенные чем-то, то ли «из-под палки» или под угрозой кнута ...

За чем гнаться? Эту цель предсудумительно редко открывают. И если это происходит, то она принимает любые формы в зависимости от адресатов и их нынешних неудобств и/или причин недовольства. Образ «идеального общества — то есть общества, не требующего с момента его создания никаких дальнейших улучшений, — сего-

му. Сегодняшняя утопия — это не последнее, предельное, раз и навсегда устоявшееся состояние счастья, а изменение, никогда не завершающееся, вечная погоня за чем-то новым и бесконечное обновление самих себя по мере дальнейшего движения...

РЖ *Лично вы разделяете ли идею прогресса? Станет ли она, по вашему мнению, вновь фундаментальной ценностью? Как вы думаете, возможно ли идеологическое сближение России и Запада на платформе прогрессизма?*

Для нас в Восточной Европе, которая располагалась на протяжении нескольких столетий на задворках когда-то, безусловно, самой влиятельной и господствующей («западной») цивилизации, идея прогресса некогда была особенно привлекательной. Посредством этой идеи «было удобно думать» — сложное становилось простым, а непонятное — понятным... Финишная линия в погоне за самосовершенствованием была (или казалось, что была) ясно очерчена: она была обозначена роскошью и материальным благосостоянием тех, кто был «наверху», а вера в «прогресс» обещала и, возможно, гарантировала, что можно догнать и перегнать.

Однако сегодня мы живем на совершенно непоправимо «мно-

Для нас в Восточной Европе, которая располагалась на протяжении нескольких столетий на задворках некогда, безусловно, самой влиятельной и господствующей («западной») цивилизации, идея прогресса когда-то была особенно привлекательной

дня приговорен к забвению. Мы можем иметь представление о жизни «лучше, чем сейчас», но не представление об «идеальном обществе», которое не может (и не должно) изменяться к лучше-

гополюсной» и «многоценностной» планете, на которой **ни одна предлагаемая иерархия не может претендовать на сверхзначимость**, не может претендовать на постижение и классификацию

неких общечеловеческих ценностей; ни одна из многочисленных ценностных иерархий не является полностью совершенной, и ни одна из них не является бесспорной.

В наше время иерархии, так же как и вариации жизни, которые, согласно этим иерархиям, располагаются в «основании» или на «вершине», выглядят очень по-разному в зависимости от того, какую ценность или какой аспект жизни они затрагивают. Отсюда совершенно не ясно, какой путь ведет вверх, а какой — вниз. В большинстве случаев, когда нам удастся в одном понимании продвинуться «наверх», в другом понимании мы можем оказаться опустившимися «вниз». Нравится нам это или нет, осознаем мы это или не осознаем, но *мы делаем выбор*. В зависимости от того, нравятся нам или не нравятся последствия этого выбора (в том числе непредвиденные последствия!), вероятно, мы объявим их (увы, впоследствии, только впоследствии!) «прогрессивными», «регрессивными» или просто ничего не значащими...

Одним словом, вера в исторический закон прогресса укреплял уверенность в себе и решительность тех, кому нужна была гарантия, чтобы действовать. Она заключалась в том, что если мы будем выполнять то, что требует «логика прогресса», то время окажется на нашей стороне и в итоге мы можем не сомневаться в конеч-

ном успехе. В наше время, вырываясь вперед с всепоглощающим чувством неопределенности, мы всегда оказываемся перед выбором — действовать

общественной практике это не обязательно плохо. Сколько раз уверенность в «полном знании о том, что история держит в запасе и чего она от нас хочет» при-

безо всяких гарантий на успех или ничего не делать, позволив всем глупостям, несправедливостям и жестокостям в нашем мире жить своей жизнью. Лично я согласен с великим австрийским философом Гюнтером Андерсом, который сказал: «Если есть минимальный шанс, пусть даже ничтожный, сделать что-нибудь, чтобы исправить невыносимую ситуацию, в которую мы попали, — нужно его использовать».

И последнее. Действие без гарантий на успех может оказаться эмоциональной проверкой, но в

водила к неопишущим страданиям людей, которые «преграждали путь истории», даже если это и не стоило им жизни. **Действовать в условиях неопределенности** и внутренних сомнений, может, и утомительно, но, по крайней мере, это побуждает к осторожности, размышлению и взвешиванию последствий... Это не так уж и плохо, если кто-либо еще держит в памяти опыт своих отцов и дедов. ■

Беседовали Никита Куркин
и Юлия Нетесова

Зигмунт Бауман (род. 19 ноября 1925 г.) — польско-английский социолог, профессор Университета Лидса. В годы Второй мировой войны, будучи убежденным коммунистом, Бауман сражался в просоветской Первой Польской Армии. В 1968 году Бауман был вынужден покинуть ПНР. В 1971 году Бауман переехал в Англию, заняв пост профессора социологии Университета Лидса. Именно здесь к нему и пришла мировая слава.

Зигмунт Бауман — автор множества книг, некоторые из которых переведены на русский язык. Среди последних: «Мыслить социологически» (1996); «Индивидуализированное общество» (2002); «Глобализация: последствия для человека и общества» (2004); «Свобода» (2006).

Бауман считается одним из наиболее влиятельных социологов современности. Он уверен, что современное общество характеризуется неопределенностью. Эта

черта включает в себя как динамический (нестабильность, гибкость), так и структурный (фрагментарность, эпизодичность) компоненты. Благодаря этому неопределенность пронизала собой практически весь современный социум. Следствием этого является рост уязвимости современного человека, который оказывается один на один с безличными силами, способными в одночасье разрушить то, что человек создавал десятилетиями.